

Максименко Владимир

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Пешка метамодерна

сборник стихов

Владимир Романович Максименко

Пешка метамодерна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67851819

SelfPub; 2022

Аннотация

Сборник стихов, начатый писаться ещё в 2021 году, когда совершенно не было ни опыта ни знания, но была идея и энтузиазм. За ширмой неприглядности и непристойности сокрыты более глубинные смыслы, чем может показаться на первый взгляд. Этот сборник – квинтэссенция моей двухлетней рефлексии и попытка анализа окружающей нас реальности, через призму множества идей и концепций, которые порой идут вразрез с моими собственными. Содержит нецензурную брань.

Владимир Максименко

Пешка метамодерна

Предисловие

Итак, мой дорогой друг, прежде чем ты приступишь к прочтению этого сборника, позволь напомнить об изобилии мата и различных крайне пошлых и вульгарных высказываниях, так что АХТУНГ!

Если же ты всё-таки решишься ознакомиться, то хочу отметить, что стихи в сборнике находятся в хронологии от самых старых к самым свежим, что позволит просмотреть некий творческий путь и прогресс (либо же регресс, кому как) в написании.

Приятного времяпрепровождения!

Который день, который год
Жду когда тоска пройдет,
Так болит моя душа,
Ною, сам себя душа.
Самобичевание, рефлексия и печаль -
Ежедневно пьем мы чай.
Такова наша английская традиция,
Лучше бы мне было не родиться,
А вздернуться на пуповине,
Чтоб не стоять у магазина,
Стыдливо мелочь собирать на вина.
И не быть, как тетя Нина,
Обитающая в притоне алкашей,
Или дядя Костя, просыпаться среди камышей.
Бездонная лагуна бытия,
И по голову погряз в ней я,
Смотря
на улетающего в небо журавля.

Этот мрачный алчный мир
За моим окном
Для большинства незрим,
Вооружаюсь молотом:
Хочу крушить устои,
Просвещать слепых невежд -
Сколько дети твои стоят?
За сколько говно съешь?
Эпоха потребителей -
Эпоха пиздеца,
Ты продашь родителей
За место у дворца.
Мы живем в капитализме,
Каждый тут как хач-торгаш.
Лучше б мне жить в вечном онанизме
И не покупать уже пережеванный беляш.

Превозмогая травлю и презрение,
Деформировал себя как пластилин.
Наладилось с людьми общение,
Но стал неполноценным будто Вариан Ринн.
С годами поднабрался мудрости,
И в целом шире стал мой взор,
Нет более той детской дурасти,
Из-за которой обречен был на позор.
Но тот ли я, кем должно стать было мне,
Или симулякр, получивший тело?
Ответ надо искать на дне,
На дне души, что уже истлела.
В этом театре жизни я несостоявшийся актёр,
Не попадаю в роли – профан, любитель.
Лучше снять все маски и выкинуть в костёр,
И стать, наконец, зрителем.

Мрачно. Юнец с лихим запалом
Бьет инакомыслящего старика забралом,
Крошится зубная амальгама -
Звуки возвышения очередного клана.
Пополняться будут станы,
Чтоб войти в врата сознания с тараном,
И быстро пало без пастуха стадо баранов,
Воздух пропитан скорбью, но все идет по плану.
В лесу после жестокой стычки
Утро соберет ансамбль птичек,
И легкий летний ветерок развеет мглу,
Земля уже забудет вчерашний беспредел,
Но люд, запутавшись в гордиевом узлу,
Ещё наворотит ужасных дел.
Нельзя нам предаваться злу,
Желательно, чтоб дикий нрав осел.
И дабы прозябать нам в с миром в единении,
Всем должно приручить своего зверя.

Мне вечно быть, как князь Андрей,
Уткнувшись в небосвод Аустерлица,
Наблюдая за бесконечной вереницей,
Пытаться убедить себя, что не плебей.
Жизнь не мила мне в иллюзорном мире,
Ну а реальность вызывает отторжение,
Что влечёт за собой духовное сожжение
И тяжесть многотонной гири.
Братскими узами скреплён я с суетой,
Но как давно гласит: «в семье не без урода».
И только он облачится в императорскую робу -
Я сам себя отправлю на убой.

Ненависть внутри меня рвется наружу,
Желание лишь ёбнуть эту ёбанную клушу,
Вокруг балаган, хочу надеть беруши,
Обжираться сушами и бить баклуши.
Меня не радует ни жара ни стужа,
Если б мог рыдать, уже была бы лужа.
Каждый день бухаю, на утро меня сушит,
Да, я не Гоголь, но пишу про неживую душу.
Выигрываю в карты, но хожу в дураках,
Мной будет гордиться лишь отцовский прах.
Никчемный созидатель жалкого дерьма,
Не напишу ничего лучше этого стиха.

Страшно исписаться, как обычный графоман,
Страшно провалиться, как немецкий план,
Страшно повзрослеть, но остаться идиотом,
Страшно причислять себя к ничтожному сброду,
Страшно не найти родную душу,
Страшно отправиться в плавь и не дожить до суши,
Страшно быть одному в этом жестоком мире,
Страшно стать когда-нибудь мишенью в тире,
Страшно осознавать всю блеклость бытия,
Страшно прожить жизнь без истинного я.

Куда не смотрю всюду вижу глупость,
Скупость,
Узость
И немного даже дурость.
Мне трудно разговаривать с невежественным быдлом;
Большинство из них, словно свиньи у корыта,
Только и способны на бессознательное хрюканье
Да перед более жирными боровами заускивание.
Мне противно лицезреть всех этих дифичент,
Ухмыляюсь над попыткой идиота написать умный
коммент,
Но они не виноваты – такова наша реальность,
Это все напоминает экзистенциальную девиантность.
Порою кажется, что мне тут вовсе и не место
И напрасно несу этот крест я,
Однако есть во мне стремление
Ткнуть носом дураков в их дерьмомнение.
А посыл сего нескладного стихотворения-
Немыслящих калек ждёт одно только презрение.

Её счастливая улыбка на лице
Расплывается в экстазе
Из-за любви, заполненной в шприце,
Но столько боли в этой фразе:
"Как тебя мне не хватало!"
В процессе слышен томный стон,
После дозы спрячется под одеялом,
А после надо выкинуть гандон.
И с каждой новой встречей всё сильнее бьется сердце,
Всё сильнее расширяются зрачки,
А чувства все острее, будто высыпали перца,
И вокруг неё витают купидонские значки.
Хочет убежать из дома – ей дорога в небеса,
Но дороги она любит – перенос сознания,
Наконец-то в её жизни наступает полоса
Столь же белоснежная, как мужские окончания.

Ты не выкупаешь мой метамодерн,
Как масонские идеи Безухов Пьер;
Глух к моим посылам- ты бультерьер,
Съебись-ка, псина, в свой вольер,
Пока сам тебя не выкинул за шкирку,
Ты не достоин слушать звуки моей лирки,
Иди лучше нюхни той течной сучки дырки,
А после закинь свою жалкую душонку в стирку,
Ведь ты раб ебучих взглядов большинства,
А я наперекор этой жвачке отстаиваю интересы естества,
И здесь нет никакого бахвальства,
Я лишь указываю на ваше нахальство -
И без того побитая культура катится в пизду,
Ведь все гонятся за стилем, а не смыслом -
Ебучие фанатики предадут её костру,
И мои надежды улетают в небо вместе с газом
углекислым.

Снова утро, снова школа, снова дивный день;
Постигать новые знания мне совсем не лень!
В свои восемь лет стать мечтаю педагогом -
Снова ходить в школу, но уже в костюме строгом.
Как показала практика,
Тут не очень любят ботанов,
Тут совсем другая тактика:
Получить три и навешать лоху тумачков.
В какое место не пойду всюду чужой,
Будто в компании взрослых ребят пиздюк малой.
Конечно, всегда больно от насмешек,
Чувствую себя дешевкой, словно пачка кириешек.
Сам для себя я лицемер и фарисей,
Я погибель для окружающих людей,
Но встав однажды на тропу лжеца,
Я превратился в беспощадного жнеца.
Грусть о былом, тоска по прошлому-
Квинтэссенция в крике истошном.
Когда из ян я превратился в инь?
Господь, прости за все – аминь!

Я порхаю словно птица,
Не хочу как батя спиться;
Надо покидать станицу,
Чтобы покорять столицу
Отфаршмаченных дешевок -
Город суеты и пробок;
Толпы люда у остановок
Едут собирать свой хлопок.
Зачем думать, что не так,
Лучше закурить косяк,
Вот и стак проблем иссяк,
Но ты тот же, блять, босяк.
Пустой мир- пустой люд,
Словно ресторан без блюд.
Пустой мир- пустой ты,
А повсюду злые рты.
Пустой мир- пустой я,
Нету смысла нихуя.
Пустой мир-пустой мир
Это маргиналов пир.
Люди там же, что и тут,
Также незачем орут-
Их волнует только лут,
Да страшит путинский кнут.
Одержимые деньгами

Восторгаются ворами
Ну и мнят себя богами,
Чтоб топтать слабых ногами.
Это будто плохой мем-
Нету ценностных систем;
Вокруг тысячи проблем,
А ты, калека, глух и нем.

Долой самодержавного царя!
Это голос неугодного борца
За свободу мнений,
За свободу оставаться кто ты есть.
Я новый Владимир Ильич Ленин -
На броневике поеду вершить месть
За угнетение своего народа
Под игом этого тщедушного уroda.
Мы скинем бомбу в Геленджик,
Мои заявления остры словно аджика;
Мы дадим людям справедливость-
В нашем государстве все будут равны,
На убой пустим олигархическую живность-
Догматировать законы будем мы, а не они.
Отныне жизнь каждого будет ценна,
Диссиденты поплатятся сполна;
Я призываю подняться с колен-
Уничтожить классовый барьер!

Не поведя редкою бровью,
Подтерла зад моей любовью.
Разбитая душа, разбитые мечты, разбитое сердечко-
Всё не может отыскать местечко,
Где схорониться и раны залатать;
Каждый день смотрю я на кровать -
Там произошёл наш первый поцелуй.
Я думал нас ждёт сказка, а оказался хуй.
Твоя бескомпромиссность меня ранила, как пули,
Ебучий парадокс убитого дедули;
Чтобы сохранить хотя бы шанс исходил я на говно,
Но не понимал, что все было просрано давно,
И уже предвижу, как годовая депрессуха
Вскоре окажется несущей косу старухой.
Спустя столько времени я снова на том месте,
На балконе, попивая чаек нэсти,
Вспоминаю, как трепетал перед возможностью остаться во
френдзоне,
А теперь мне на все похуй- одинокий ронин.
Не понимаю лишь, как столько пройденных событий
Были перечеркнуты с ебучей прытью.
Возможно, только я еблан: надо лучше было разбираться
в людях,
Или все легко, и она просто шлюха – не имеет сути,
Ведь беззаботная и счастливая моя ипостась является

смердом

У образа забитой всеми жертвы.

Маятник бессмыслия набирает обороты,
В мире нет баланса словно у героев доты;
Под чистым небом ходит грязный человек -
Волочит своё тело не смыкая век,
Прикрываясь постиронией,
Пытается глушить в себе агонию.
Воздух полностью пропитан горем;
Истина любви познается в ссоре;
Аллергия на космическую пыль,
Да и не переносится ковыль.
По итогу остаётся лишь терпеть
Всю несуразность естества,
До конца дней сосать лапу, как медведь,
Без возможности достигнуть мастерства.

Я лишь хочу, чтоб все было по-моему,
Чтоб все слушались меня покорно,
Чтоб воспевали дифирамбы, как Конан Дойлу,
И чтоб при виде моем звучали валторны.
Разве многого просить изволю,
И разве не достоин этих почестей,
Из-за чего я обделен владыческой ролью,
И отчего образовался иной ход вещей?
Нынче мне должно лишь притворяться человеком
И пытаться примириться с мнением дураков.
Равенство – плесень на страницах людского века,
И только смерть способна освободить меня от оков.

Я, словно мушка в паутине,
Могу лишь томиться до прихода паука,
Мои дни проходят в ожидании гильотины,
И все что я вижу лишь два палачьих сапога.
Лучше бы не трепыхаться вовсе,
Это только изнуряет силы,
Никого не волнует личность – все лишь дело в спросе,
И, если будет выгодно, тебя посадят на вилы.
Зачем тащиться на работу утром,
Один ведь хуй мы все умрем,
Лучше пачкать одеяло перламутром,
Начиная часов в 11 подъём.

Детерминируя, реальность
Извергает своё пламя,
Всплывает наружу сакральность,
Обрамляя жаром мое племя.
Очередная комедия Галустяна -
Да, это моя жизнь, но мне похуй,
И я Онан, и мертво мое семя,
И что бы не происходило, я всего лишь кроха,
Ибо каждый мой выбор – иллюзия свободы,
А я не хочу быть ничтожным рабом;
Хочу, будто Спартак, восстать против господ,
Но и эта попытка будет похоронена подо льдом.

Ты хотела остаться друзьями,
Но я не видел в тебе друга
И лишь рыдал, как малолетняя сука,
Когда полотно нашей судьбы распряли.
И инфантильная твоя душонка
Осознать была не в силах,
Что мертвым следует лежать в могилах
И последним разом, где ты их видишь, будет похоронка.
Однако я принял смерть
И принял боль и хлад утраты,
И даже назначение меня в сатрапы
Не сможет сердце мое согреть.

Прошли года, а я все там же, в Бухаресте,
Смотрю прям в твои глаза,
Глаза, застывшие на месте,
Что так пристально смотрят в никуда.
В них нет печали, в них нет горя,
В них есть лишь один момент,
Где ты наблюдала за чайками у моря,
А я теперь наблюдаю монумент.

С самого детства у меня нет настоящей жизни,
И давно бы умер, да, наверное, расстрою близких.
Нет стремления к знаниям, нет стремления к культуре:
Абсолютно блеклая невзрачная фигура,
Разжижаю мозг просмотром постной хуеты в ютубе,
Разлагаю душу, ебя накуренную суку в ночном клубе.
Каждый день пребываю в нескончаемой фрустрации,
Я был испорчен ещё в течении овуляции.
Постоянная стагнация, и нет путей развития,
Если мир пизда, то мне быть в нём хламидией,
И этой планете срочно нужен венеролог,
Дабы процесс репродукции был ещё долгов.

Как будто между Сциллой и Харибдой,
Я застрял между апатией и ленью;
За свою токсичность буду осужден Фемидой,
Хочу лишь быть забытым да обратиться в свою келью.
Какой нахуй огонь – заблуждение Гераклита,
Ведь началом всех начал по-любому была грязь;
Ежедневно пропускаю своё сознание через сито
В попытках разгадать межгалактическую связь.
Желаю укрываться покрывалом космоса
Да плескаться в пруду Киндзмараули,
Но томится в клетке душа философа,
А один из стражников – уравнение Бернулли.
Если Бог – учёный Броун,
То все мы лишь его частицы,
А я частица-клоун,
Которая своей потешностью кичится.
В своей квартирке, как букашка в янтаре,
Словно Диогену, мне в ней нету места,
Но янтарь растает на горновом огне,
Ведь создается мой язык в кузне Гефеста.

Моя невеста родина
Что-то, блять, нашкодила,
Зачем же ты нашкодила,
Моя невеста родина?
Зачем же ты, родная, изменила мне
С каким то убаном в кладовке, в полутьме?
Я же дурачок возвышал тебя,
Души в тебе не чаял, разум усмиря.
Видел в тебе Руфь – я твой Мартин Иден,
Оказалось, что лапшою был обкидан,
Думал ты принцесса с невинной простотой,
Но не только я видел тебя нагой.
И оказалось ты обычная педовка
Сосёшь за просто так у мордорского орка,
И теперь тебе за похоть и разврат
Я с ненавистью правой объявлю джихад!

Безудержный бубнёж тупого шизофреника
О том, что он магистр какой-то там евгеники;
От слов его лишь приступы истерики,
Хуйня захватит мозг, как нигеры Америку.
И каждый день одно и то же,
И вот эта идея делит со мной ложе:
Заебали унтерменшенские рожи,
Пизда жиду, и Тора не поможет.
Для вас я персонально Печкин почтальон,
Вот уже сто лет этот варится бульон,
Каждый день, прикрыв глаза, наблюдаю вещий сон,
О том как тушками воздвигнется арийский трон.

Чёрные облики твоей души
Все лезут и лезут в мою точку G.
Цепь из кошмаров, маска из ужаса,
Но она продолжает тужиться
В попытках выдавить из своей клоаки
Счастье и радость, но это всё сказки.
Прости же меня, мой демиург,
Режешь по мне, как ебаный хирург.
Кровью заполнены все мои залы,
Представляют собой неземные фракталы.
Я Тертуллиан, ведь верю в абсурд,
Заряжаю обрез – зови меня Курт.

Глупость и невежество всё тянут нас в болото,
Мир – хуйня, наша планета – жопа.
Она стонет, и нет предела её вою,
Ведь появилось человечество в роли геморроя:
Скукожилась Земля и жалко просит клизмы.
Мои ебаные стишки на милость эскапизму,
Но мне не похуй на космические спазмы.
Ежедневно мастурбирую свой разум
В попытках насладиться своим эго
И в брэнной суете наконец достигнуть неги.
А ведь, действительно, трудно быть Богом
В мире вечно сырых да убогих.

Я, будто Юра Гагарин, покидаю орбиту,
Я, словно комарик, хочу быть убитым,
Хочу развиваться наперекор лени,
Но зачем что-то делать, если я гений.
Я лежу каждый день на своём диване,
Кому что-то нужно идите-ка в баню.
Мои мысли обо всем и также ни о чем,
Меня не поднять ни огнём, ни мечом.
Я очень устал от всех этих дней,
От того, что стал душевно бедней.
Грусть и печаль теперь в моем сердце:
Искра и радость попали в Освенцим.
Каждый мой вдох – пытка над телом,
Никогда не займусь каким-либо делом.
По словам Соломона – все в мире суетно,
Но я вне бытия, мне здесь неконгруэнтно.

Помню, как обвиняла меня в том, что грубый,
Но я не замечал и лишь смотрел на твои губы.
Неважно, счастлива ли ты или скалишь зубы,
Для меня важны одни лишь твои губы.
И даже если неистово загорятся трубы,
Любому виски предпочту я твои губы.
И хоть тебе достаточно богатенькой залупы,
Меня это не парит, ведь у тебя такие губы.
Каждый раз бросало в долгий ступор,
Ощущая, как меня касались эти губы.
Я тебя уже забыл, и мы друг для друга трупы,
Но я все так же, как тогда, обожаю твои губы.

Малышка – девять недолгих лет -
Что посадила мать проститутка.
Юная душа так и не успела пожить,
Откуда берутся эти люди-муляжи?
Что это за мир поломанных судеб?
Почему находимся у господ в мудях?
Отчего мрази существуют так долго?
Где этих кощеев запрятана иголка?
Детская наивность и тяга к счастью
Приводят к тому, что попадают в пасти
Всяких убанов, для которых суд не писан.
Их кистями дьявол рисует кровавые эскизы,
И так страшно и так жутко.
Пускай это закончится хотя бы на минутку.

Растормошу её натуру словно клитор
И выверну робкую душу наизнанку,
Ведь когда-то также вывернули мою,
И теперь калека, чувствами избитый,
Излечить пытаюсь свою ранку,
Решил уничтожить понятие "люблю".
Тем что правду-матку горькую рублю,
Мол не нужно быть, как малый Данко,
Ведь тебя жадно выпьют будто сидр.
Надо всеми силами изменить судьбу,
И ты не должен плыть, как труп по Гангу,
Решив, что кто-то может быть тебе арбитр.

Ты хоть и говно, но я то муха,
Нежно укушу за мочку уха,
И скажу: «Пуська,
Это всё хуйня, не хмурься», -
Затем, сжав твою крохотную руку,
Прошепчу: «Милая, ну что за мука
Нам снова расставаться так надолго,
Отчего нас разделяют эти километры?».
Но ощутив твой поцелуй замолкну,
И пропитаются силой недра
Моей эманлирующей любовью души,
Что уже по тебе затосковала.
Только рядом с тобой мне хочется жить,
И я выйду из астрала,
Прекратив ощущать твои губы,
Ну а сила пойдёт на убыль,
И промолвишь с улыбкой: «Скоро увидимся».
Все последующие недели будут бить меня,
Забирая все мысли на мучительную боль,
Но вот я снова плыву к тебе, моя Ассоль.

Это маленький мир, а я маленький принц -
Прилетел искать хозяйку, ведь я маленький шпиц.
Я не хочу петь, я хочу лишь скулить,
К чему эти страдания? Господи, окстись.
Нахуй ты поставил мою душеньку на кон,
Нынче я Цирилла – все остальные Дикий Гон,
Всё в мире циклично, и юродивый дон Рэба
Передаст скипетр с державой духовным скрепам.
Думал прикоснусь к тебе, но лишь обжётся о твой жар -
Зря почувствовал свободу – незадачливый Икар.
И не стану я рокстар, не потому что слишком стар,
А потому что сяду в межсферный бла бла кар.
И поеду в тот мир, где есть вечный Хэллоуин,
Облачусь там в костюм своей полой любви,
Я гигантский желудок – варюсь в собственном соку;
Ничего не меняется, а я всё равно теку.

Смакуясь в собственном безумии,
Попал в завесу тьмы,
В забытом храме тот игумен
Сам себе поёт псалмы.
Говорю с собой чаще чем с друзьями,
Попал в объятия одиночества,
Ещё не видно, но ментально ранен,
И могу гордиться только своим отчеством.
В лабиринте собственного гения
Я стал ребёнком Маугли,
Мой дом не город – мой дом прерия,
А там где ныне лишь теряю ганглии.
И варево из комплексов и рефлексии
Уже давно пресытило меня,
Но вырваться из пут я не могу осилить,
Мой мир не чудесен, как настенная сопля.

Я вечный жид, я Сол Вайнтрауб,
Жизнь уебала и отправился в нокаут.
Мертва душа, и я скитаюсь, словно друг.
Мой Аркенстон захватил ужасный Смауг,
И Эребор, к несчастью, боле недоступен,
Как Протагор, теперь я скептик в кубе.
Но, ебучий монстр, я не поддамся,
Для тебя я стану личным Болтон Рамзи.
Я альпинист – взбираюсь по горе Надежда,
Уж сколько лет сражаюсь с болью неутешной,
Мне нет покоя – башку мою ебашит перфоратор,
И каждый раз идёт слеза от фразы – счастливо аллигатор.

После дикой ебли
сам с собою
Этот одинокий волк завоет
на луну
От боли, лишь ведомой уму
нарцисса,
Это секрет, как у кота Бориса
из рекламы.
Предстала сцена из забытой драмы
Еврипида,
Утерянная, как Атлантида
из легенд,
Но ныне перед нами лишь клиент
с психозом,
Будто бы мозги занозы
истязали.

Я болен, я сломлен,
Душа – камень, и я – голем.
Мне страшно, мне грустно -
В моём сердечке пусто.
Всё ниже и ниже
потолок по утрам,
Всё больше и больше
в моей рюмке грамм.
Бездарный еблан
Возомнил, что он титан.
Бутафорский талант,
И никакой ты не атлант.
Дрочево рифмовки,
Пульсация головки,
Эякуляция безвкусицы -
Дурного ума узница.

Боже, если б знал ты, как мне тошно
День ото дня копать в прошлом,
Заебало рыться в ретроспективе,
Настоящее проносится со скоростью локомотива,
А я, дурак, живу своими мечтами и грезами.
Космос сношает меня всеми позами
Камасутры,
И каждое утро
я жалею, что не умер.
Таково кредо всех зумеров,
И да, я действительно очень устал,
При мне умерла жизнь – я будто Дедал,
И, словно нахал, шлю нахуй всех и вся,
Желающих узнать, как дела у меня.
Возложенная на меня ответственность
Ненадёжная, как гнилая лестница,
Но надежда ещё теплится,
Что я когда-нибудь сведу грим с лица
И перестану быть нюней ебучей,
Наведя наконец серьёзную бучу
В обществе плебеев и невежд,
Набросившись на культуру, как стриптизёрша на шест.
Но пока я лишь молодой долбоеб,
Что знает слишком мало,
И если даже пойду на войну, то не смогу биться до талого.

Тварь ли я дрожащая или право имею?
Всего скорее свин, обращённый Цирцеей.
Знания – одновременно бич и панацея,
Я наблюдаю смерть планеты, как принцесса Лея.
Старушка Гея, не сердчай, скоро блошки передохнут,
Их поглотит печальный омут
Из собственных пороков,
Питающихся от идеи Локка.
Как мало нынче личностей – одно тупое стадо,
Я будто натурал в сердцевине гей парада,
И каждая дешёвка возомнила себя кем-то,
Но всего лишь товар в магазине Лента.
Ебучие мотивашки для ебучей размазни,
Мол ты особенный и не такой, как все они, -
Пускай горят огнем, и то пламя-очищение
Всех переродит, как иорданское крещение.

Должно ли быть счастье у поэта?
Иль смысл в том, чтоб ехать без билета
Зайцем на поезде судьбы
И на выходе багаж свой не забыть?
Поэт – слепец, и депрессия – собака-поводырь;
На столе стоит перо и початая бутылка -
Лишь уставшая душа уже не способна лгать,
И снова разум осаждает нескончаемая рать
Из комплексов и страхов,
Но я, поставив голову на плаху,
Предстану, словно чистый лист,
Я – эксгибиционист,
И, не стесняясь, оголяю свои мысли,
Всё так натужно высирая новый смысл.
Ну а счастье для творчества – золотая клетка,
Потому выбираю страдания, стимулируя свой ректум.

Эти крики и капризы всего лишь фурнитура
Твоей лицемерной и ссучиной натуры.
Иди нахуй, паскуда,
Ты была апостолом, но тот апостол – Иуда.
Видимо, любить меня позор,
И тебя не купили серебром,
Ты лишь нашла повод для убийства -
Меня это сломало как опиум индийца.
Если жизнь – книга, то моя явно беллетристика,
И с каждым новым листиком
Рождается посредственность.
Ну что же за нашествие
Припадков ебучей депрессухи -
Мои мёртвые чувства уже давно разбухли,
Выделяя трупный яд,
И вихрь токсиновых плеяд
Отравляет мой измученный рассудок,
Я пребываю в повседневных муках
И заебался писать о том, как я устал,
Мои стихи красивы, но пусты, словно светский бал.

Это чадо из-за МКАДа
Сковано цепями Прада,
И декада из каратов
Заменяет ей монаду.
Девочка падка на баксы,
Сучка-охотница, как такса.
О дивный новый мир по Хаксли -
На завтрак заебашит ксанакс.
Часть всеобщей парадигмы,
Паттерн денег вместо ликвора,
Бедность для неё энигма,
От мира бабки служат ширмой.

Хэй народ, всех с Новым годом!
Бахну водки и заем бутербродом
С маслом и икоркой красной
И в этот дивный вечер праздный
Буду слушать речь Путина-царя,
Восхищённо каждому слову внемля.
«Этот год был для всех нас тяжёлым,
Но мы выжили, оставшись с жопой голой» -
Что ж, охуенно смолвил президент,
Теперь пойду гулять, нацепив любимый бренд
Трэшер, ведь повсюду трэш и суета,
Не ощущаю праздника, ведь в сердце пустота.
Этой ночью люди, как огонь бенгальский,
Сгорают быстро и как-то мало-мальски
Ярко, а после окажутся где-нибудь в сугробе.
Эскапизм и мир иллюзий, где я покину лобби.

Её глаза – два сгустка похоти.
Сгрызаю уважение к ней, как ногти,
Кусай локти и давься моим хуём -
Придворная шалава предстала перед королём
С присущей вещи покорностью
И собачьей готовностью
Услужить своему хозяину.
Обрушу шквал ударов с гневом Каина,
А ты с радостью попросишь добавки;
Сюр происходящего не доступен даже Кафке,
Но это жизнь, где поломанный рассудок
Пытается уподобить себе тело,
И я, не спавший двое суток,
Заполняю её хоть чем-то белым.

Я – первый из людей и я – последний из людей,
В обществе блядей тяжело не быть прелюбодеем;
Моя душа давно покрылась коростой,
Видимо была не по ГОСТу, и как же просто
Меняются в наше время мнения
Под предлогом релятивизма и ебаной лени
Пораскинуть своими мозгами,
Но зачем, если можно думать, как Канье,
Или Трэвис, или любой другой еблан с эстрады,
Даже не осознавая, пресмыкаясь, как гады,
Считая себя главным героем мнимой баллады,
Молю Бога о насморке, лишь бы не чуют этого смрада.

Порой достигнуть дна – это победа,
Ведь, теряя всё, ты обретаешь себя,
Выводя душу на искреннюю беседу -
Насколько релевантен твой футляр.
Мысль-сопля – избавляться от неё приятно,
Ебучий ринит не позволяет уснуть,
Дышать полной грудью, ощущая прохладу
И беззаботно живя, – выбираю сий путь.
Тяжко от собственной безвольности,
Давит загубленный потенциал,
Я подбитая птица, коей остаётся ползти,
Но не сбежать с корабля, что попал под напалм.

Сквозь пелену мглы явилась ты,
Собою освещаешь мои казематы.
Душа-фурнитура разлетелась на винты,
И их разобрали мародёры да пираты,
Но вот же ты – искуснейший протез -
Это парадокс ладьи Тесея,
Но без тебя мне вечный слезный энурез,
И я прошу стать моей панацеей.

А по трассе мчится маршрутка,
Минута в ней равняется суткам.
Едет катафалк для живых -
Тысяча ударов ножевых
Для психики человека.
Водила-тюремщик, ну а мы зеки.
Реквием по неге для каждой души -
Ехать не удобно – за спиною калаши,
Воздух пропитан смрадом уныния,
А чем еще дышать, если птицам обрубил крылья?

Изнеможенный, я под бой курантов
Петляю в кругах ада – нерадивый Данте,
Облачаюсь в латы гаснущих светил,
Если любовь и была, то я ее давно убил.
Я – одна гигантская проблема,
Камнем вниз иль дальше всех бесить – моя дилемма.
Я устал и смиренно прошу упокоения,
Ведь каждый день, как весеннее обострение;
Я потаскан собственным всеведением,
Но по заветам Бэкона в плену всех приведений;
Я потерял, и взломали мою волю -
К ней дьявол подобрал совсем простой пароль.

Паноптикум – моя душа -
Эманирует истошно.
Ей необходима паранджа,
Чтоб выйти в свет с ней было можно.
И я убогий прям с порога
Заявляю о любви,
Далеко бежит дорога
С компаньоном Бамбл би.
Средь борозд своей башки
Я готов найти Грааль.
Эсминец опустит флажки -
Капитан умер, затягивая шмаль.

Мир за окном сотрясают те раскаты грома,
Мир внутри сотрясают ее стоны,
Они вонзаются мне в душу,
Невозможно их не слушать -
В них намного больше смысла,
Чем в тщедушном людском трепе,
И созерцая ее жопу,
Будто ледяной водой умылся.
С телкой лучшая беседа
Поебушки до обеда,
После выставить за дверь,
Чтоб меньше понести потерь
В ментальной беспощадной бойне,
Где враг твой экзистентный, блять, покойник.
И пустой сосуд со шлюшьей оболочкой
Никогда мне не заменит медитативной дрочки.

Скован цепями и подвешен над геенной,
Сколько ни старайся – не выбраться из этого плена.
Нейроны, разбредаясь, пускаются в безумный пляс;
Хотел воздвигнуть Петербург, но в том болоте я увяз.
Радость, грусть, тоска, веселье -
Заебался менять маски:
В истошном крике рвутся связки.
Да, я мастер оборотных зелий.
Нахуй мир, мне боле мило Средиземье.
Я бы в Шире вечно предавался лени,
Пляскам, бухичу да травке и в этом стал бы гуру,
Затем в бэд трипе заберусь на вершину Барад-дура,
Сношая Саурана в его глазную апертуру,
Тем самым разьебашу Око на десятки фурнитур.
И, словно в камере обскура, он станет, как слепой куколд
-
Ай эм зе грейтест мен ин зис факинг ворлд.

Детка, приезжай, мы закажем роллы,
Будем смотреть фильм, запивая любовь колой,
Покажи мне свою душу,
Выверни ее наружу,
Я хочу в ней утопиться,
Насладиться, словно пищей.
Растворюсь в твоих объятиях,
Как под действием заклятия,
И как под действием заклятия,
Нежно стяну с тебя платье.
Будем друг дружкой вдохновляться
В унисон страсти и танцу;
Жадно укутаясь друг в друга,
Нас раскрутит центрифуга,
И мы сольемся в симбиоз
Счастья, радости и грез.

Скитался по городским кварталам

ночью

И, взглянув на небо, лицезрел

воочию

Масштабный звездопад -

Это горько плачет космос,

И слезы те образуются в каскад,

Затем льются в никуда, как завещал Хронос.

Небо надо мной – одна из граней лазурита,
Что покоится в сокровищнице жадного ифрита;
Шум утреннего города изнасилует улитку,
Мойры по приколу теребят нитку,
Связующую жажду прекрасного и грех.
Ненастоящий мой халифат, и я ненастоящий шейх.
Концепция абсурда, где я чахлый сизиф:
Цель ни одна не выдержит, и камень разможит меня,
Как Рим когда-то сравнивал с землей Коринф.
Жизнь – ебучая хуйня, и я – ведомая хуйня,
Лишь мечты о свободе заставляют дальше жить.
Я далеко не Цезарь, но в спине моей ножи -
Их повтыкал детерминизм,
И не поможет эскапизм, мне поможет катаклизм.

Я стал поэтом, чтобы дрочить на свою охуенность,
Но даже самым пиздатым слогом нельзя оправдать
безыдейность,

Хотя я и очень пытаюсь, ведь я пиздатый словоблуд,
Однако кому вообще нужен графоманский бездарный
труд.

Ни один смысл не выстреливает, будто мозг облачен в
гандон,

Я всего лишь симулякр, я всего лишь солярисный
мимикрон.

Я ненавижу себя даже сильнее чем люблю,

Я бы отправился на войну в надежде, что шальную пулю
словлю,

Но кто же тогда будет ныть и предаваться унынию?

Я спящий поэт, и слово мое покрылось пылью,

Кто бы меня нашел, кто бы растормошил, и кто бы с меня
ее сдул,

Чтобы я наконец очнулся и стал пожирать знания, будто
меня гонит Вельзевул.

Я желаю стать ещё лучше, чтоб уже закончилась
мастурбация,

Но пока я побуду в спячке в коконе ебучей прострации.

У долбоебов любовь измеряется интенсивностью трения хуя о пизду.

«Капитализм счастье заебись» – так говорит великий интервьюер Юрий Дудь,

Это мир-наоборот это мир антиидей,

Тебя выкурят и выкинут, а ты валяйся на обочине и тлей.

Я гуляю по лучшему на свете городу Сосенскому,

Он так прекрасен весной, но в особенности осенью:

Каждый встречный понурый эмоциональный калека,

Коего заставляет кайфовать лишь барбитурат из аптеки.

Лично я заряжен таурином, гуараной и женьшенем,

Не отпущу эту банку, будто нас сцепили суперклеем.

Человеческое сознание неустанно стремится к декадансу,

Мелодия хаоса так сладка, и я становлюсь частью изнурительного танца.

Человек создан, чтобы воевать -
Это знают все крестьяне и вся знать.
Как паук создан, чтобы плести паутину,
Как создан удильщик, чтобы бороздить морские
глубины,
Как небо, для защиты от ультрафиолетовых лучей,
Как плод, чтобы им Еву соблазнил владыка-Змей,
Как постирония, чтоб ей пользовался Гнойный,
Как гроб, чтоб в нем был упокоен мертвый,
Как дерево, чтобы давать всем кислород,
Как я, чтобы трахать лохопедов в рот.

Гераклитовский огонь что-то временно потух:
Голубь одичал и превратился в птицу рух.
Всемирная поэзия лишь предисловие к моей,
Я созидаю в центре танца страны фей.
Канцеляризмов тьма, и это тот плотный терник,
Преодолев который, убедишься, что я великий тенетник.
Сплел рифму, смыслы и философские идеи
В паутину метамодерна, за которую радею
Всею душой, и путь мой будет долог,
И я пройду его, сразя иллюзии и морок,
В конце коего буду писать нравственные письма
Своему другу, что служит в Вязьме,
А пока произведу пламенную клизму,
Чтоб вернуть былой запал душе.

Счастья нет – это всего лишь злой эфемерид,
И нету мочи, нету сил бороться – тупо лень.
Я разочарован в жизни, и теперь я аколит,
Так закиньте меня в жертвенник и обратите в тень,
Чтобы я стал глазами, лицезрящими царство порока,
Бесформенной субстанцией, бороздящей антимир,
Но не выйти за пределы собственноручно возведенного
острога.

Как говорил классик: «Пустой холодильник – я не пью кефир».

Пошел нахуй Кандид и заberi свой оптимизм,
В жизни синусоиде я нахожусь сейчас в падении.
Если Бог есть, то его идеология цинизм,
Ведь пиздец забавно заточить монаду в греховную
материю.

Эта каша не на молоке, но эта каша на слезах,
Космический скиталец – к солнцу мчу на всех парах.
Анаксогоровский привет тебе, бульжник.
Покорю протуберанец и с него съеду, как лыжник.
Пока, солнышко, здоров, светило -
Променял шило на мыло.
Возможно, это билет в один конец,
Но я бесстрашный малый шо пиздец.
Да, мы вертимся вокруг звезды,
Но я проверчу её вокруг своей залупы,
Вскрою газоплазменные кисты,
Вернусь победоносно и поцелую тебя в губы.

Лето, шелест сосен за окном,
Я вернулся, как в Минас-Тирит Арагорн.
Дом, конгруэнтный интерьер,
Я миновал суетности барьер,
Теперь свободен от оков дедлайна,
Пью напитки с градусом и лаймом.
Не испугает меня боле работенка -
Я загнал её под шконку,
А сам взобравшись на кровать,
Стану рьяно отдыхать,
Уединяясь с мыслью о Софии,
Вернув наконец сердце из атрофии.